

Если человеку отрубить голову,
то он перестанет думать и чувствовать.
Ортега-и-Гассет

Геннадий Айги в эссе "Листки - в ветер праздника" определил наше время как "время для примитивных утверждений", а в "Поэзии-как-Молчании" написал: "Современное многоговориение". И это не просто много слов, существует и "прекрасное многоговориение" (Айги вспоминает о Достоевском - пусть!); боюсь, что мои кон/тр/тексты - пример многоговориения отнюдь не прекрасного, прежде всего, потому, что они предназначены для газеты, их адресат, таким образом,

давно уже отмечал, что насилие стало бичом. Сейчас оно достигло апогея, и это обнадеживает, поскольку должен же начаться спад". А о последовательности апологета "нового искусства", предназначенного "не для всех людей вообще, а только для очень немногочисленной категории людей", пусть читатель "Ц.О." судит сам: "Цивилизация - это прежде всего воля к сосуществованию. Дичают по мере того, как перестают считаться друг с другом. Одичание - процесс разобщения. Высшая политическая воля к сосуществованию воплощена в демократии. Это первообраз "непрямого действия", доведший до предела стремление считаться с ближним" (Ортега-и-Гассет).

1996 N13

ПРИМИТИВНЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ:

Кон/тр/тексты

неопределён, в отличие от, например, адресата поэзии, который принципиально неопределим, а значит - точен. И всё же надеюсь, что читатель "Ц.О." осведомлён о структуре, которая в марксистско-бартовской терминологии именуется (буржуазным) мифом, и присутствовал при потрошении ("развинтить - развенчать!") пары-другой образчиков этих уродцев, которых я отказываюсь именовать мифами. Во всяком случае, эта процедура описана в Словаре "Ц.О.", а один из приведённых там примеров "Жить стало лучше..." - в то же время наглядный пример примитивного утверждения, которое нельзя, как и бартовский "миф", ни доказать, ни опровергнуть, подобно прямому интуитивному усмотрению ("схватыванию") истины неким сверхсознанием некоторых людей, по традиции именуемых "(бого)избранными", а по стыдливо-уклончивому предположению А.Бергсона - родившихся таковыми "по счастливой случайности".

Хотя этимологически "примитив" происходит от латинского primitivus (первый, самый ранний), и в словаре им обозначаются также и "произведения искусства, относящиеся к ранней стадии развития культуры", ни наскальные изображения, ни ранние мифы не кажутся мне примитивными в обычном смысле этого слова, а вот толкования этих изображений и мифов поражают своей примитивностью. Стоит начать "Жили-были старик со старухой у самого синего моря", как тут же сбегаются толпы Фрейдера, Юнга, Стросова, Ивановых-и/или-Топоровых и растаскивают бедную сказку на бинарные оппозиции: плюс и минус, сухое и мокрое, мужское и женское, верх и низ, правое - левое, жили и были, а кому этого мало, для тех щедро черпают из мутных глубин своего коллективного бессознательного комплексы и архетипы, анимы и анимусы, причём все эти "научные подвиги" совершаются с таким упоением, так безоговорочно, становятся столь популярными ("модными"), что старые мифы скукоживаются и бледнеют, а способы их истолкования, анализа, потрошения раздуваются, матеряют, перебарывая уже любые (вплоть до газетных, заборных и пр.) "тексты", истолковывая их в плоские лепёшки примитивных утверждений, о которых и говорил Айги.

"Кто в споре не доискивается правды и не стремится быть правдивым, тот интеллектуальный варвар. В сущности, так и обстоит с массовым человеком, когда он говорит, вещает или пишет," - это высказывание Ортега-и-Гассета демонстрирует, что и он, и столь обожаемый им в молодости Ницше, и Шпенглер, и Бергсон, и Барт, и Горький, все эти избранные заратустрики тем и отличаются от презираемой ими "массы", что говорят, вещают или пишут, более того, они и являются гласом всей этой "быкомьясой оравы", и ещё больше: в произведениях этого "нового рода философов и повелителей" (Ницше) все эти "народы, толпы, стада", "двуногих тварей миллионы", "человеческий материал", всё это "быдло" и нашло своё призрачное, но от этого не менее чудовищное воплощение. И что из того, что Ницше бичует "стадо" за приверженность к (христианской ли? буржуазной?) морали, а Ортега-и-Гассет - за то, что оно эту мораль попирает? - в главном-то все они единодушны: "Необходимо, чтобы все привычные средства спасения вышли из строя, и человек понял: хвататься не за что... Цивилизация позволила среднему человеку утвердиться в избыточном мире, воспринятом как избыток благ, а не забот. Он очутился среди сказочных машин, чудодейственных лекарств, услужливых правительств, уютных гражданских прав, ...его избаловало окружение, домашнее тепло цивилизации," - сокрушался Ортега-и-Гассет в Испании в 1930 году. Почти в это же время Горький корчился от отвращения и ненависти к "мещанам" и вскрывал вредность этих несметных полчищ "паразитивной дряни". Где эта райская цивилизация 1930-го года? В Испании? В России? В Германии?.. После расплывчатых филиппик Ортега-и-Гассет уже откровенно тычет перстом в США, этот "массовый рай", откуда, по мнению философа, и исходит опасность насилия. О прозорливости испанца говорит его фраза 1930-го года: "Я

Ханс Викстен. Фрединг, смотрящий на людей-мух. Автолитография.

Стремление считаться с ближним подвигло меня миновать Лекторий "Ц.О." (см. № 3) на цыпочках: смешно придирается к лектору, просто доведшему, скажем, до нас "мнение многих философов". Но и толпы "нормальных интеллектуалов" на улицах, эти стада картезиусов и Спиноз тоже можно понять: им надо "жить и действовать", получая, конечно, "практически-упрощённое представление о действительности", зато извлекая пресловутую "материальную пользу". Но хотя мой интеллект оставляет желать лучшего, и "своими чувствами и сознанием я менее привязан к жизни", - всё-таки и от меня ускользает стремление жизни, и я "не могу увидеть то, что минует мой взгляд". Что ж, сортировка происходит просто: одних (по Бергсону) интуиция "вводит в самые недра жизни", их чувства вибрируют в унисон с природой ради одного удовольствия; другие, прижатые интеллектом и потребностью жить, "скользят по поверхности" без всякого удовольствия. У Ортега-и-Гассета всё ещё проще: "Человек самой природой своей предназначен к поискам высшего начала. Кто находит его, тот избранный; кто не находит, тот... становится массой". Прелес-сс-сть! Ведь если "начала" в "недрах", то вы, вибрируя от удовольствия, автоматически становитесь избранным и с полным на то основанием можете, для усиления удовольствия, не прекращая вибрировать, попинать обделённую "массу". Но вот загвоздка: точно ли "интенсивность ощущений живого потока (progress) явлений" делает нас обладателями "высших начал"? Ведь "интуиция - простой акт" (по Бергсону), а, например, Малларме, символическую фигуру нового стиля (по Ортега-и-Гассету)

при всём желании трудно представить пчёлкой, бездумно всосавшейся "в самые недра". Интуитивист вообще чурается "резко очерченного, всегда грубого слова, подавляющего тонкие и неуловимые переживания нашего индивидуального сознания" (Бергсон). Таинственный progress, таким образом, наталкивается на некие, не менее неуловимые, высшие начала.

И если новое искусство (по Бергсону) "улавливает нечто такое, что не имеет ничего общего с речью, - известные ритмы жизни, её дыхание", если оно "лишено смысла для восприятия интеллектом", то Ортега-и-Гассет указывает прежде всего на такие черты нового стиля, как "тенденция к дегуманизации и тенденция избегания живых форм".

О том же, как согласуется стремление к "высшим началам" с тем, что "искусство безусловно чуждо какой-либо трансценденции" (Ортега-и-Гассет), может быть, нам растолкуют в Лектории "Ц.О."

Не признавая возможности эстетических чувств у людей (от жены умирающего до Бетховена), Ортега-и-Гассет действительно утилизирует разум как подсобный инструмент для любых утверждений: "Новое искусство разделяет публику на два класса - тех, кто понимает, и тех, которые не понимают его, то есть на художников и тех, которые художниками не являются". Вот пример утверждений, не только не требующих доказательств, но всячески уклоняющихся и ускользающих от всякой попытки доказывать их. Когда вслед за "многими философами" лектор невозмутимо сообщает, на что не способен "обычный человек", или вообще пишет так: "Европеец видит не картину, а объекты, изображённые на ней", - то поначалу кажется, что уважаемый лектор на практике демонстрирует одну из тенденций (по Ортега-и-Гассету) нового стиля - "тяготенье к глубокой иронии". Увы! А лектор? - уж не загнипнотизирован ли он в самом деле?! И не ирония ли искать ироничность у человека, написавшего так: "В хорошо организованном обществе масса не действует сама по себе. Она существует для того, чтобы её вели. Ей необходимо следовать чему-то высшему, исходящему от избранных меньшинств" (Ортега-и-Гассет). Или так: "Ныне быт ускользает от мещан. А когда от холода и голода внутреннего издохнут - мы для себя создадим бога великого, прекрасного, радостного" (Максим Горький). И, наконец, так: "Восприимчивость масс очень ограничена, понимание незначительно, зато забывчивость велика" (Гитлер).

К. Постмодернистов